



Десятый номер «РЖ – Тема недели», посвященный неизбежности неопопулизма, вызвал дискуссии в среде интеллектуалов. Мы возвращаемся к теме и предоставляем слово профессору Университета Чулалонгкорн (Таиланд) Пасук Понгпайчит, автору множества работ о популизме, воплощенном в фигуре бывшего премьер-министра страны Таксина Чинавата

ТАКСИН ЧИНАВАТ – ПОПУЛИСТСКАЯ ИКОНА И ПУГАЛО ТАИЛАНДА

Пасук Понгпайчит

Таиланд сменил четырех премьеров за год. Мог бы сменить и еще раз, если бы выступления в апреле в поддержку Таксина Чинавата увенчались успехом. Последний год правительство было похоже на бродягу, которого выгнали из дома. Разговоры об очередном перевороте не прекращаются.

Десять лет назад Таиланд считался светочем демократии в Юго-Восточной Азии. Сегодня это демократия, разрывающаяся на куски. В центре конфликта – фигура экс-премьера Таксина Чинавата, трижды уверенно побеждавшего на выборах, но свергнутого в результате переворота. **Однако конфликт перерос вопрос о любви или ненависти к Таксину и вынес на поверхность важнейшие вопросы о перспективах демократии в обществах, которые пытаются справиться с последствиями глобализации.**

Таксин пришел к власти после финансового кризиса 1997 года, резко изменившего политику Таиланда. Правящая элита была дискредитирована, и страна прямоком шла к катастрофе. Крестьяне осознали, что глобализация грозит им больше, чем ежегодные муссоны. Предприниматели агитировали за правительство, более ориентированное на интересы бизнеса. Широкая коалиция сделала ставку на Таксина и привела его к власти.

Поначалу Таксин играл на руку предпринимательскому лобби. Он обещал править страной как бизнесмен и в интересах бизнеса, вообразив себя тайским Ли Куан Ю или Махатхиром Мохамадом. Однако многие не обратили внимания на то, почему Таксин оказался в политике на первых местах. Еще



Пасук Понгпайчит – профессор Университета Чулалонгкорн (Таиланд)

в 1990-е годы он вытасил свое предприятие из долгов и довел стоимость компании до уровня 2 млрд долларов благодаря прибылям правительственных монополий от продажи мобильных телефонов. А после его прихода к власти правительство пересмотрело законы и нормы в интересах его семейной бизнес-империи, увеличив ее рыночную стоимость еще в три раза. Предприниматели, не входившие в узкий круг друзей, остались за бортом.

Есть и другие причины, политические, значительно усугубившие кризис.

В начале 2000-х годов из чисто популистских соображений Таксин начал лоббировать интересы сельского хозяйства. Это, в принципе, было неожиданно. Он происходит из состоятельной китайской семьи. До 2001 года он не проявлял никакого интереса к проблемам сельского хозяйства и к положению бедных слоев населения. Однако логика политической борьбы вынудила его сделать это.

В кампании 2001 года партия Таксина включила в свою сельскохозяйственную программу требования смягчения долгового бремени, дешевые медицинские услуги,

дотации на развитие сел. **Когда у Таксина возникли проблемы, связанные с нелегальностью его бизнеса, он быстро оседлал эту программу, чтобы заручиться широкой поддержкой.** Рейтинги его популярности стремительно росли. За последние четыре года он полностью изменил свой имидж. Он сменил деловой костюм на будничный, а склонность изъясняться по-английски – на привычку говорить по-тайски. Он ездил по селам, подавая себя как лидера, который будет «работать на благо народа». Он демонстративно отгородился от «старой политики», оттолкнув интеллектуалов, высмеивая оппозицию и принижая бюрократов. Этот популистский уклон был новым для тайской политики, а для некоторых он оказался и очень опасным.

В тайском обществе велико неравенство. С одной стороны мы видим представителей городского среднего класса, напуганных «тиранией большинства» и лояльных по отношению к монархии и армии, с другой стороны – провинциальную, преимущественно крестьянскую массу, которая только что осознала, как можно использовать демократию, чтобы покончить с невниманием властей.

Политический кризис в Таиланде затих, но он далек от завершения. С точки зрения пессимистов, этот кризис – зловещий знак для будущего демократии. Но есть и оптимистический взгляд на те же процессы, согласно которому кризис – предвестник возможности построения более сильной демократии, основанной на принципах открытой дискуссии и конкуренции. ■